

«Без французов разве могли мы назваться людьми?»: критика галломании Н. И. Новиковым.

Научный руководитель – Ширинянц Александр Андреевич

Васенина Елизавета Дмитриевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: vasenina.05@bk.ru

Жан Шапп д'Отрош — французский путешественник, посетивший Россию в 1761-1762 годах по приказу короля. Формальной целью путешествия было астрономическое исследование, однако на протяжении всего пути он вел заметки, где подробно описывал свои наблюдения о быте, нравах, обычаях русских. По возвращении во Францию спустя 6 лет в 1768 году опубликовал путевые заметки «Путешествие в Сибирь» [1, С. 23-25]. Заметки содержали большое количество как сухих фактов о России, так и мнений самого д'Отроша. Россия обрисовывалась как страна с талантливыми людьми, которых сдерживает самодержавие и крепостное право. Очевидно, что критика государственного строя и самой императрицы не способствовали скорейшей публикации заметок в России. Последовавшие ответы в виде «Антидота» И. И. Шувалова, «Антидота» Екатерины II, негативных оценок Ф. М. Гримма в «Корреспонденте» и писем Вольтера не распространялась в России — «Антидот» И. И. Шувалова был опубликован во Франции, как и ответ Екатерины II, при этом ее авторство было строго засекречено. Что до статей Ф. М. Гримма и писем Вольтера — для большинства российских читателей это было недоступно. При этом приближенные императрицы все же были в курсе происходящих событий, поэтому реакция последовала. Так, в 1774 году Н. И. Новиков издал сатирический журнал «Кошелек», просуществовавший совсем недолго.

Журнал был посвящен обличению французов, приезжавших в Россию ради наживы, и высмеиванию русских дворян, радостно принимавших этих французов. Главный герой издания — шевалье де Мансонжа (от фр. un mensonge — ложь) — простой парикмахер, приехавший в Россию для того, чтобы заработать на доверчивых русских, которые по удачному стечению обстоятельств почитают французов и только рады видеть интеллигентного и образованного учителя у себя дома. Гарантом наличия образования в глазах дворян являлось знание французского языка. Так, выпуск журнала состоит из разговора француза и русского, француза и немца, записанных автором, ответного письма француза на опубликованные разговоры и письма отца де Мансонжа к сыну [4].

Разговор русского и француза не так примечателен: он посвящен тому, что русское дворянство со слепой искренностью готово было принять и обласкать любого француза. Разговор француза и немца же раскрывает, что де Мансонж приехал в Россию, чтобы быть учителем, не имея при этом никаких знаний, кроме французского. К его счастью, нашелся человек, готовый платить 500 рублей в год и предоставлять все условия для жизни. И казалось бы, бедный француз, который на родине не мог найти призвания по достоинству — «... я рожден не для волосоподвигательной науки...» [4] — должен быть несказанно рад, что его так любезно приняли в России, но в разговоре с немцем де Мансонж вместо благодарности дает циничные комментарии: «Послушай, все ищут философического камня, помощью которого всякие металлы можно превращать в золото. - Не правда ли? - Знай же, дорогой мой проповедник, что камень сей в России нашел француз и в своих руках его имеет; помощью оного преобращаю я пороки свои в добродетели, а русские добродетели

в пороки» [4], «Какая мне нужда в том, что посредством обогащения моего молодые люди разоряться будут? Ведь они не соотечественники мои; да если бы возможность человеческая была, так бы я и единоемца своего перехитрил. Моя философия гласит: *обманывай дурака, в том ни греха, ни стыда нет...*» [4]. Примечательно, что нелестно француз отзывается о всех народах, кроме своего: «Слово француз так важно, что в нем все замыкаются достоинства» [4], почитание это не связано с глубоким уважением к родине, оно лишь подчеркивает исключительность де Мансонжа в его же глазах.

Н. И. Новиков не раз и не два показывает, насколько француз заиклен на себе, особенно это становится заметно в ответном письме последнего. Историю России, по его мнению, русские должны учить по французским учебникам, ведь французы лучше знают, как правильно, французы — это люди науки, да и могли бы русские жить без французских платьев и манер, в конце концов «Без французов разве могли мы назваться людьми»? [4]. Суждения француза становятся еще более карикатурными: возникает логичный вопрос как это — учить историю России, читая французских специалистов, называть себя людьми только надев французское платье? На этом моменте стоит вернуться к тому, что Н. И. Новиков читал «Путешествие в Сибирь» и часть его сатиры направлена на д'отрошевское восприятие России. Д'Отрош в заметках приводит размышления некоего философа, которым, очевидно, является Ш. Л. Монтескье, а если быть точнее ту часть размышлений, которая посвящена влиянию климата на характер нации. Северные народы должны быть храбрыми, смелыми, простыми, имеющими много добродетели и искренности [2, С. 215-217, 3, Р. 211]. Д'Отрош же видит в русском народе подозрительность, недоверие, зажатость и отмечает, что «Русские вообще до того подозрительны, что, когда их спрашивают, даже о вещах, безразличных к Правительству, они всегда отвечают: то знает Бог, да Императрица» [3, Р. 237]. Из этого следует вывод, что не соотечественник ошибся в наборе характеристик нации, а что проблема в государственном устройстве, которые стерло все характерные черты русских: «Правда, в этом утверждении он считал народы Севера независимыми от правительства; однако власть России так исказила человека, подчинив себе даже его способности, наиболее независимые от Государя, что теперь очень трудно оценить отличный характер Нации» [3, Р. 211]. Д'Отрош совершает простую ошибку — пытается судить народ в России по тому, как писал Ш. Л. Монтескье, ориентируясь на единичные примеры. Становится понятно, что образ де Мансонжа — это доведение до максимума суждений д'Отроша. Об этом говорит и тот факт, что в «Кошелке» есть почти дословная цитата д'Отроша: «тем не менее, сможем ли мы спустя более чем шестьдесят лет назвать хотя бы одного россиянина, которого следовало бы цитировать в истории наук или искусств?» [3, Р. 210], Н. И. Новиков в свою очередь от лица француза пишет следующее: «Скажите мне, были ли в России науки и искусства, чем все просвещенные народы славятся?» [4]. Поэтому можно с уверенностью говорить, что ненавязчивое упоминание «Абе де Ш.» отсылает знающих читателей именно д'Отрошу: «О сем, если вы любопытства имеете побольше наших прародителей, которые от великих своих добродетелей никаких книг не имели и не читали, то можете сие видеть в сочинении Абе де Ш... и других подобных ему беспристрастных писателях о России: но я всех их не могу упомянуть» [4].

Галломания в России высмеивалась и ранее, но д'Отрош, сам того не подозревая, поспособствовал новому витку развенчания мифа об образованных и благородных французах. Карикатурный образ француза, который не понимает, что в других странах может быть по-другому дает читателю понять, насколько глуп не только русский дворянин, который по доброте ли или по невнимательности приютил у себя француза, но и сам француз, не видящий ничего, кроме себя.

- 1) Каррер д'Анкосс Э. Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / Пер. с франц. О. А. Павловской. М.: Олма-Пресс, 2005. - 463 с.
- 2) Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: РИПОЛ классик, 2019. - 690 с.
- 3) Jean Chappe d'Auteroche Voyage en Sibérie fait par ordre du roi en 1761. Tome 1. - Paris, 1768
- 4) Новиков Н. И. Кошелек // http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_0090.shtml (дата обращения: 01.03.2025)